

Георгий, он же Жора, он же Юра

Жизнь «хорошего человека» в воспоминаниях его друзей и родных

Зайдя однажды в книжную лавку Льва Палыча, что на «пермском Арбате» (в ремесленном дворе), я услышал от него уже привычную фразу: «Сейчас что-то покажу интересенькое... Узнаете?»

На стареньких фотографиях, показанных букинстом, я сразу узнал своего героя.

Это ведь Бурков, Георгий Бурков, да ещё в пермский период своей жизни!

«Правильно. Только даже не в пермский, а в березниковский период. Он там играл в театре и одновременно подрабатывал монтировщиком сцены...» — подтвердил Лев Палыч.

Такие находки периодически случаются в Перми. После того как в городе открылась сначала мемориальная доска на доме, где жила семья Бурковых, на ул. Уральской, 111, а теперь вот и памятник, — можно сказать, наш земляк, ставший популярным киноактёром, на наших глазах становится исторической личностью. То есть занимает подобающее ему место, словно вернувшись из временного забвения.

Уместно вспомнить и мои московские встречи, когда я, вот уж двадцать с лишним лет тому назад, решил пройти по московским адресам артиста, поговорить с людьми, его знавшими и любящими до сих пор...

«Доброкачественный» человек

...Мы сидим в московской квартире Бурковых на Фрунзенской набережной и тихо переговариваемся, перебирая старые театральные программки, записи, фото. Тихо — потому что Татьяна Сергеевна Буркова (Ухарова), впусив в дом пермского журналиста, приложила палец к губам: «Давайте не очень громко, а то Жора спит...»

Признаться, я слегка растерялся. О ком это она? Почему-то сразу вспомнилось, что наша встреча долго не получалась. Несколько раз я звонил вдове актёра, практически с каждым своим наездом в столицу, — и каждый раз появлялись какие-то поводы для отмены интервью. Как оказалось, богатырским сном спал внук Георгия Ивановича, наследник, названный в честь деда.

Среди программек встречались очень редкие, вызывавшие в памяти роли, сыгранные Бурковым в разных городах. Фактически перед нами на кухонном столе — вот судьба артиста — складывался пасьянс его нескладной и в то же время счастливой творческой судьбы. Вплоть до того чёрного 1990-го, когда его сердце не выдержало окончательно и бесповоротно.

Вот он в роли Старика в спектакле «Именем революции» Михаила Шатрова, это в 1950-е, в БДТ. Не в том, Большом, а в Березниковском, куда Георгий уехал из Перми. В 1952–1956 годах он учился на юрфаке ПГУ, с увлечением занимался в театральной студи-

дии при окружном Доме офицеров. И вот однажды взял да и перерешил всё разом — выбрал для себя театр.

После березниковского сезона — Пермский драматический, с августа 1959-го и до августа 1962-го, когда «рванул» дальше, глубже, выше. Кемерово, Москва... Разные роли играл на пермской сцене Бурков. В 1961-м сыграл пилота в пьесе Константина Симонова «Четвёртый». А вот любопытная страница: «Оптимистическая трагедия», в роли комиссара — Лидия Мосолова, а Бурков сыграл матроса. Невольно пришла мысль: самая подходящая для него работа...

Какой же путь проделан этим «доброкачественным» (определение Эльдара Рязанова) человеком, сколько им было передумано, выстрадано, если в записных книжках мы можем найти такую его мысль: «Философия общего дела? Что такое «народ при рабстве»? Ибо и сейчас мы живём при рабстве. И опять загнать людей на стройки коммунизма! Создавать видимость общего дела, имитировать новое единство (советский народ), будто бы возникшее на пути к будущему... Пропаганда сталинизма должна преследоваться законом, как и пропаганда фашизма. Нужен процесс...»

«Человек-маска»

Замечу, писано это ещё в те времена, когда не была даже раскручена достопамятная наша перестройка! Очередная «перестройка», неудавшаяся перелицовка.

Над ним подшучивали иногда: «Ты что, досье ведёшь на всех?» Записи Буркова расшифровала, аккуратно переписала из множества книжечек его жена, она подготовила их к печати.

Они прожили вместе 25 лет, четверть века. Театральные судьбы их часто шли параллельно, начиная с Театра им. Станиславского. Именно здесь началась московская биография Георгия Буркова. Это не легенда: самородок, приехавший покорять Москву из Сибири, сорвал свою первую премьеру, начав отмечать её с кемеровским дружкой... ещё до спектакля.

А потом знаменитый режиссёр Борис Львов-Анохин несколько месяцев выдавал Буркову зарплату из своего кошелька, чтобы не дать пропасть уволенному таланту. Потом были другие труппы: «Современник», МХАТ, Пушкинский... Олег Ефремов очень дорожил нашим земляком. Но раскол МХАТа развёл и их. Попав к Татьяне Дорониной (второй МХАТ), Бурков пытался пробить постановку пьесы пермяка Вл. Соколовского по «Соборянам» Николая Лескова. Не сладив с Дорониной, ушёл из театра вообще. В тот момент нашей беседы в кухню вошла Мария Сергеевна, мама Георгия. Земляку она искренне обрадовалась. Вспоминала Пермь военных лет, детство сына:

«Он ведь кончал пермскую школу, одиннадцатую. В годы войны ходил в госпитали с шефскими концерта-

ми, стихи читал. Так на него раненные заявки даже делали, представляете! Тогда он, наверное, и почувствовал себя актёром...»

В московской семье Бурковых сейчас огромная библиотека. Недаром Ефремов называл Георгия «ходячей энциклопедией». По книгам можно догадаться о том, какие мысли занимали их хозяина в последние годы жизни. Он всё мечтал о новом, реформированном театре, хотел сделать режиссёрские работы, поставить «До третьих петухов» Василия Шукшина. Он хотел сыграть Дон Кихота.

Изучая книжное собрание Буркова, я мысленно соглашался с пермским актёром Владимиром Дроздовым. С ним Бурков был в приятельских отношениях, вместе они и в Кемерово из Перми уехали когда-то в юности.

«Это был человек-маска. Могу сказать, что он всегда выписывал больше всех газет, читал и знал больше нас всех. А в массе о нём сложилось совершенно другое впечатление, прежде всего по киноролям его: этакий рубаха-парень, общителен, прост. А он не был прост, нет...» — так определил он образ Буркова.

В этом легко убедиться, читая записи Буркова о жизни, об истории, о творчестве, о русской идее... Сам он, определяя жанр своего труда, назвал его «Письмами к другу, или Размышлениями у могильной плиты». Георгий Иванович признаётся, что друзей у него нет. Был один — Василий Шукшин, но он ушёл на 16 лет раньше...

«Живого человека не объяснишь», — пишет актёр. Что же, мы тем и занимались, что ищем запоздалое объяснение этой странной судьбы. Бурков, без натяжек, был вхож в любой дом, он стал почти всенародным любимцем, потому что сыграл практически

во всех известных фильмах Эльдара Рязанова и почти во всех картинах Шукшина. Но в чём-то бурковская творческая биография похожа на судьбу замечательного актёра Зиновия Гердта. Та же история ведь: сделано много, а тем не менее не избавиться нам от сожаления, что самого главного, чего-то сущностного актёром и не сделано, не сыграно.

Человек завтрашнего дня

Бурковым создано около ста киноролей, были среди них и главные. Вспомним «Кадкина всякий знает» или «Человек, которому везло»... Но он сам-то готовился к другому — вот в чём дело! И с горечью признаётся: «Я всё время откладывал жизнь».

Нет, талант его не был всеобъемлющим. Хотя бы потому, что не смог же он убедительно сыграть отпетого уголовника-авторитета (в шукшинском фильме «Калина красная»). Не смог, потому что человеческие его качества, психофизические, ну совершенно другие, и прежде всего это доброта.

Один из тех, кто лучше других знал Георгия Буркова, — популярный литовский актёр, а ныне дипломат Юозас Будрайтис. Он занимается ещё и живописью, фотографом, снимал и Буркова. В фотопортрете, любезно предоставленном советником литовского посольства Будрайтисом, есть отражение контрастов личности героя.

«Это очень хороший человек. Нас несколько раз сводила вместе работа в фильмах. Представление о нём у зрителя сложилось несколько неточное, я думаю. На самом деле Георгий не был любителем «выпить-пошутить». Нет, это очень

Жора Бурков (в центре) с друзьями (фото из архива семьи Силиных)

серьёзный человек, очень глубокий, много читал, что, кажется, абсолютно не вяжется с создавшимся образом. Пьяным я его не видел, а видел светлым, замечательным человеком», — говорит Юозас Будрайтис.

А нам-то казалось, Буркова всякий знает...

Владимир Дроздов:

— Георгий был театральным мыслителем, осмыслителем, в этом он гениален. Он был мастером живого общения, устного рассказа, и так жаль, что не всё записывал из того, что рассказывал нам. Что мешало ему довести замыслы до результата, до логического, блестящего, всеми ожидаемого завершения? Не знаю... Просто прихода дара его такая. Это ни хорошо, ни плохо, это так сложилось. Плохо, что мало, наверное. Может, воли не хватало ему. Но была б эта воля — тогда б и человек был другой, и не так любили бы его. А любили его все, от Евгения Урбанского и до уборщицы театральной...

В последние годы, по свидетельству Татьяны Сергеевны, все силы Георгия Буркова уходило на организацию Шукшинского центра. В нём он мечтал воплотить и свои идеи о новом театре. Георгий Иванович видел в осуществлении проекта как бы свой долг перед памятью Шукшина. Но — не успел.

И здесь начинается непростая, тяжёлая история... Сразу скажу, я не раз пытался попасть в этот центр, будучи в Москве, и один раз даже говорил на эту тему с вдовой Шукшина, ведь она заявила, что доведёт дело до открытия. Но... Центра имени замечательного нашего писателя как не было, так и нет. И что хуже всего, силы оказались раздроблены, да и дразни какие-то непонятные мешают. Из разговора с вдовой Шукшина выяснилось, что она к Бурковым имеет немало претензий. Более того, в недавнем интервью программе «Момент истины» Лидия Федосеева-Шукшина поделилась своими подозрениями, что смерть Шукшина окутана тайной, а рядом с ним в последние минуты жизни был только один человек — Бурков... Печально говорить об этом, но... Тень на плетень наводится, озвучивается, тиражируется. И всё это — спустя столько лет, и без единого доказательства, всё на уровне сплетни. Как ре-

шила на это Лидия Федосеева? Не пойму, хоть убейте...

Почти по дневнику Георгия Буркова: «Над гнездом кукушки. Советский вариант». Но там же мы встречаем и вот эту запись: «Нужна философия оптимизма. Вспомнить Шукшина. А дальше понесётся, как Катунь...»

И что особенно ценно и удивительно: ещё в те годы, когда общество наше только просыпалось от спячки «развитого социализма», Бурков планировал для культурного центра им. Шукшина проведение Дягилевских вечеров...

Мария Сергеевна Буркова сказала в ответ на моё удивление: «Он вырос на пермской культуре, оперу любил, не только драму, сам пел даже арии, что ж тут удивительного...»

Возвращение Буркова

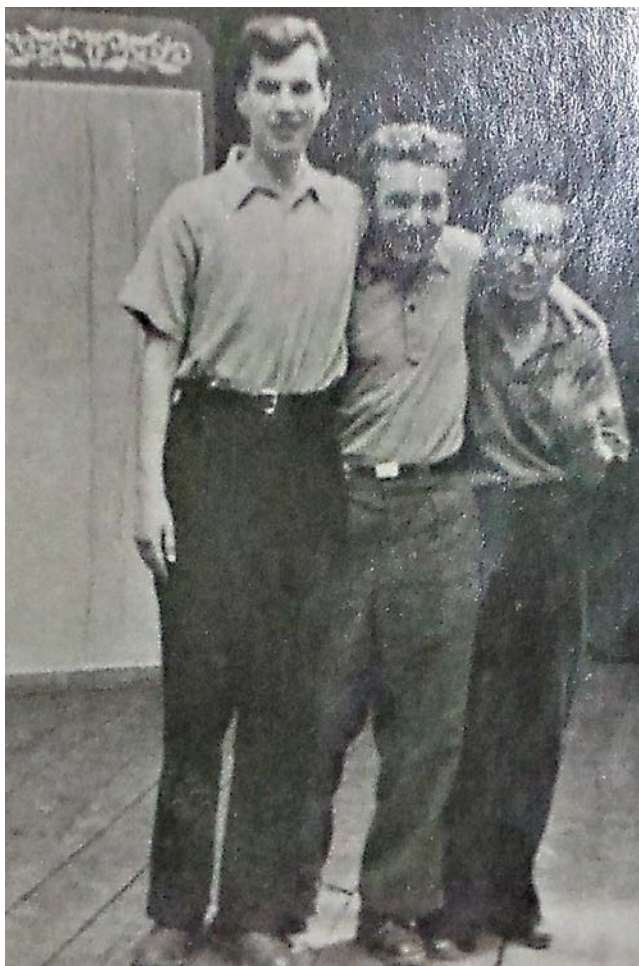
Сегодня по телевидению идут фильмы с его участием, снимаются передачи о нём. Показали и «Байку» — фильм, поставленный Бурковым.

На наших глазах происходит то, чего долго ждали люди, хорошо знавшие Георгия Ивановича, — он приходит к нам «в полном объёме». Эта неординарная, глубокая личность поворачивается к нам новыми гранями. И как тут не вспомнить фразу Евгения Урбанского, который сразу разглядел за «шутейным» амплуа молодого провинциала нечто большее: «Жора нас всех обманул: это пришёл лидер...»

В одной из телепередач Ролан Быков сказал даже так: «В последнее время русская культура потеряла три главных фигуры: Шукшин, Высоцкий, Бурков...»

Как и Сергей Бондарчук, Быков считал нашего земляка выразителем русского национального характера. Но стоп! Тут уже вмешался бы сам Бурков (с ударением на первом слоге!) и рассказал бы, возможно, такую байку: «После спектакля в гримёрке разговаривают два артиста, трагик и комик. «Ну, как я играл сегодня?» — спрашивает трагик. В ответ: «Плохо». «Я же тебя серьёзно спрашиваю!» — восклицает трагик». Это полузабытая чеховская мизансцена, точнее ещё Антоши Чехонте. Чехова Бурков очень любил.

Владимир Гладышев

Георгий Бурков в Березниках (автор неизвестен)